

ИСПОВЕДЬ ДУШИ

ЗАЛ темен и гулок. Он кажется пустым для глаз, не привыкших еще к ослепительному свету рампы. Проходят секунды, и уже четко различимы лица, внимательные лица-друзья. Актриса чувствует, как избавляется от волнения сердце. Голос, который сбивался в такт сердцу на верхних нотах, теперь окреп в уверенности и уже спокойно ведет рассказ. В руках у исполнительницы книга. Между страницами вложена гвоздика. Пунцовое цветение на длинном упругом стебле...

Идет концерт заслуженной артистки РСФСР Нины Валериановны Михаловской: композиция по книге В. Катаева «Маленькая железная дверь в стене». Режиссер А. Сэм.

...Париж. Улочка рабочей окраины. Дом, не успевший еще наглухо покрыться фабричной копотью.

Под одним из окон — мемориальная доска. На ней контуром — ленинский профиль. В парадном — традиционная консьержка. Витая, зеркально отполиро-

ванная лестница ведет на второй этаж. Невольно думаешь перед этой дверью: «А вдруг за порогом Ленин или, быть может, Надежда Константиновна... гладко причесанная, с узлом волос на затылке, в домашнем платье, вроде тех, какие носили тогда русские учительницы...» Но... на звонок выходит молодая француженка — сотрудница музея...

В этой чистой маленькой квартирке не осталось ни одной вещи Ильича. Лишь окна, пол, стены знали невысокую широкоплечую фигуру, слышали его голос, шаги. В кухоньке принимали гостей — приезжих из России, парижских друзей. Здесь жарко кипели споры, отсюда всемирно разлетались ленинские слова, мысли. И из этой квартиры Владимир Ильич каждое утро уезжал работать в Национальную библиотеку...

Актриса тоже бывала в Париже. И ее вела память на улицу Мари-Роз. И она, поднимаясь по витой лестнице, замирала перед дверью квартиры

на втором этаже. И, конечно же, казалось ей, будто она жила тогда в Париже и видела Ленина, горько молчавшего у Стены коммунаров, слушала пламенную речь его на похоронах супругов Лафарг.

Н. Михаловская не скрывает чувств этих от зрителей и слушателей своих. В ее исполнении «Маленькая железная дверь в стене» не театрализованная декламация, а исповедь души. Актрисе чужда помпезность, она отказалась от лишнего пафоса и драматизма. Человек говорит с человеком, открывает другу то, что переполняет его душу. И зал откликается строгой напряженной тишиной. Антракт — помеха. Эти пятнадцать минут пустоты — они не нужны. Ждешь, чтобы вновь на сцену вышла женщина в черном и увела в Париж начала XX века, где живет Ильич.

Финал звучит приглушенно. Произнесенные почти шепотом последние слова концерта — заклинание, требование сердца навечно сберечь память о каждом дне жизни этого «самого земного из всех прошедших по земле людей».

И. БРЯНСКАЯ